

Люсия Веденская

ПРИЗРАКИ БЛАГОРОДНОГО
ПРОШЛОГО

Люсия Веденская

Призраки благородного прошлого

«Литнет»

2025

Веденская Л.

Призраки благородного прошлого / Л. Веденская — «Литнет», 2025

Викторианская Англия диктует свои правила: девушкам полагается выходить замуж вовремя и, разумеется, за богатых и приличных мужчин. В свои двадцать три года мисс Констанс Эшфорд нарушила это правило уже четыре раза. Когда Констанс вежливо, но твердо отвергла пятого жениха, терпение ее отца закончилось. Вместо очередной лекции о долге перед семьей он преподнес дочери... новость о переезде. Конечно же, в старый семейный особняк, о котором уже давно ходили тревожные легенды. Дом оказался живописным: трещины в стенах, паутина на люстрах и пыль, пережившая пару поколений. А еще призрак бывшего жениха, первого, кому Констанс сказала «нет». И все бы ничего, если бы в поместье не объявился еще один претендент на старое здание — живой, обаятельный и даже посмертно раздражающий призрак. Теперь мисс Эшфорд предстоит не просто обустроиться на новом месте, но и усмирить двух кавалеров, один из которых давно покинул этот мир, а второй явно не прочь занять место в ее сердце.

© Веденская Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Изгнание с привилегиями	5
Глава 2. Хозяйка без свиты	8
Глава 3. Чайная рулетка	12
Глава 4. Вежливый собеседник должен показаться на глаза	15
Глава 5. Старый знакомый	17
Глава 6. Переговоры с воздухом	20
Глава 7. Незваный гость пригласил себя	23
Глава 8. Опоздание, достойное скандала	26
Глава 9. Двоим в одном доме слишком тесно	28
Глава 10. Когда стены слушают и говорят	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Глава 1. Изгнание с привилегиями

В гостиной поместья Эшфордов витал аромат свежесваренного чая и едва уловимое напряжение — то самое, когда родитель вот-вот скажет что-то, что изменит жизнь дочери, а заодно испортит ей настроение на ближайшие пару лет.

— Констанс, — начал сэр Джордж Эшфорд тоном, каким обычно объявляли траур по дальним родственникам, — ты переезжаешь.

Девушка подняла глаза от чашки, в которой чай уже остыл до состояния холодного компресса:
 — Простите, что?

— В старый особняк в Хартфордшире, — уточнил отец, не удосужившись добавить в голос ни капли веселья. — Там у тебя будет время подумать.

— О чем? — с невинным интересом поинтересовалась Констанс, уже понимая, к чему клонит родитель. — О бренности бытия?

— О своем будущем, — сухо отрезал сэр Джордж. — Ты отвергла пятого жениха. Пятого, Констанс!

— Я помню, — с достоинством ответила она. — Первый был очень настойчив, второй — скучен, третий — все время говорил о себе, четвертый...

— ...а пятый был совсем не такой. Он, по-моему, самый терпеливый человек в Англии, — несдержанно оборвал ее отец, выставляя руку вперед в останавливающем жесте. — Но ты и его довела до бегства.

Констанс пожала плечами:
 — Я просто дала понять, что не разделяю его чувства. Несколько раз.

— И вот именно поэтому, — продолжил он, как будто речь шла об очевидной истине, вроде «солнце встает на востоке», — ты отправишься туда, где сможешь пересмотреть свои критерии отбора.

Она вздохнула и наконец-то поставила чашку на стол, стараясь не смотреть на тяжелые, почти обвиняющие портреты предков на стенах.
 — Иными словами, вы высылае меня из дома, — холодно осведомилась она.

— Ты все равно здесь без пользы, — с ледяной откровенностью отозвался сэр Джордж. — А особняк пусть хоть кто-то займет, пока он окончательно не развалился. Устроишь там порядок. Уют какой-никакой.

Констанс нахмурилась, но решила, что молчание в данном случае будет выглядеть более достойно, чем любая эмоциональная реплика. Тем более, отец явно давно готовился к этой беседе, а значит, победа заранее была за ним... и за его чемоданами, уже, вероятно, стоящими у дверей ее спальни.

— Я, конечно, пошлю с тобой горничную, — смягчил мужчина тон, будто пытался загладить удар. — И в особняке уже ждет пара человек, чтобы готовили, убирали, топили камины.

— И гоняли призраков? — невинно уточнила девушка.

Сэр Джордж приподнял бровь:
 — Не выдумывай. Одна ты там не останешься.

Констанс с трудом удержалась от улыбки. Если в доме и правда водились привидения, возможно, у нее будет компания побольше, чем рассчитывал отец, явно намеревавшийся наказать ее скукой.

Через час она уже стояла в своей комнате, наблюдая, как горничная складывает платья в дорожный сундук. Сундук был тяжелый, с медными замками и запахом нафталина — чемоданы в их доме считались слишком вольным изобретением.

— И где именно, позвольте узнать, этот... дом? — спросила она у отца, когда тот все же удостоил ее своим появлением на пороге.

— В Хартфордшире, я же говорил. Фэйрхолл, — коротко ответил он, словно произнес слово, которое не хотелось держать во рту. — Там никто не жил лет двадцать, а то и больше.

— Прекрасно, — кивнула Констанс. — Пыль успела обзавестись собственным имуществом.

— И, возможно, фамильным гербом, — парировал отец, но уголок его рта все же дрогнул.

Задолго до полудня следующего экипаж стоял готовый, лошади переступали копытами, пар поднимался в холодном утреннем воздухе. Констанс вышла к крыльцу, плотно закутавшись в плащ, и подумала, что эта поездка может оказаться либо по-настоящему унылым изгнанием, либо чем-то гораздо более интересным.

Экипаж тронулся, колеса заскрипели по булыжной мостовой, и Лондон начал растворяться за окнами. Сначала тянулись бесконечные ряды домов с одинаковыми фасадами, лавки с кривыми вывесками, звон голосов уличных торговцев и запах свежей выпечки, который так и норовил пробиться сквозь щели всех домов.

Констанс устроилась на сиденье, продолжая кутаться в плащ, и мимоходом подумала, что это, вероятно, именно так и начинается большинство ссылок: ты вынужденно едешь прочь, а город даже не замечает твоего исчезновения.

Когда кварталы сменились парками, а парки — полями, она в который раз попыталась представить Фэйрхолл. Перед мысленным взором вставал мрачный, но гордый дом с каменными стенами, коваными воротами и, возможно, скрипящими ставнями, которые хлопают от ветра. Если верить семейным рассказам, в нем было больше каминов, чем здравого смысла, и ни один из них не работал.

На обочине проносились ряды безлистных деревьев, тянувшихся к серому небу, словно жалуясь на погоду. Иногда мелькали редкие путники, прячущиеся в шинели и шарфы. Каждый раз, когда взгляд цеплялся за их лица, Констанс ловила себя на странной мысли: а не лучше ли было бы сейчас остаться в шумном, привычном Лондоне, даже под отцовским присмотром?

Она усмехнулась своим мыслям. В конце концов, что самое страшное может случиться в пустующем старом особняке? Разве что ей придется разговаривать с мебелью. Хотя, если там правда обитали призраки, то это даже разнообразило бы досуг, который ей предстояло проводить с личной горничной, высланной несколько раньше другим экипажем.

Колеса мерно гремели по неровной дороге, и в какой-то момент Констанс поняла, что перестала смотреть в окно. Гораздо интереснее оказалось прислушиваться к негромкому разговору кучера с лакеем, устроившимся рядом. Голоса доносились приглушенно, но при желании — а у мисс Эшфорд было огромное желание — можно было расслышать почти каждое слово.

— Говорят, там никто не жил много лет, — сказал кучер, щелкнув вожжами. — После того как...

Он замялся.

— После того как хозяйка скончалась? — подсказал лакей. — Странная смерть, кстати. Слухи ходили, что...

— Не при молодой даме, — резко оборвал кучер, но Констанс уже подалась вперед.

— Что? — спросила она, просунув голову в небольшое окошко и совершенно не скрываясь. — Неужели у особняка есть история, о которой мне забыли рассказать?

Мужчины переглянулись, явно сожалея о том, что разговор состоялся при таких неудобных свидетелях.

— Ну... прабабушка ваша, мисс, — начал лакей осторожно, — умерла там... скажем так, при необычных обстоятельствах.

— Каких именно?

— Лестница, мисс. Поскользнулась, упала. Хотя, говорят, она была здорова, да и ступени сухие...

— И это все? — Констанс приподняла бровь.

— Потом был еще несчастный случай, — вставил кучер. — Мужчина, молодой джентльмен. Приезжал по делу, да так и не вернулся. Нашли в саду, — он кашлянул, — в пруду. Или тоже у лестницы... Не помню точно. И ваша м... И ваша смелость, мисс, меня поражает, — быстро исправился лакей, явно желая сказать что-то другое.

Констанс опустилаь обратно на сиденье, прикрыв колени пледом чуть плотнее, чем требовала погода, и не удостоив своих сопровождающих ответом. — Очаровательно, — пробормотала она, пытаясь за сарказмом скрыть появившуюся тревогу. — Надеюсь, у меня будет безопасная комната, подальше от лестниц и прудов.

Дорога свернула, и на этот раз колеса заскрипели по гравии. Ветки деревьев с обеих сторон переплелись над проездом, образуя зелено-серый тоннель, по которому экипаж продвигался медленно, будто сам не был уверен, стоит ли идти дальше.

И вот впереди показались кованые ворота. Они были высокие, с замысловатыми завитками и ржавчиной, которая, казалось, держала всю конструкцию крепче любых петель. За воротами, в глубине, виднелся дом — каменный, высокий, с крышей, покрытой темным шифером, и башенкой, за которой тянулось зависшее в воздухе облако воронов или, может быть, просто особенно нахальных голубей.

Констанс невольно задержала дыхание. Лондон, с его шумом и вечным движением, остался где-то очень далеко. Здесь все было тихо, слишком тихо — и только ветер трепал голые ветви и заставлял ставни на одном из верхних окон мелодично постукивать.

— Фэйрхолл, — произнес кучер, словно поставил точку в их толком несложившемся разговоре.

— Прекрасно, — отозвалась Констанс. — Именно так я себе и представляла дом, в котором никто не жил двадцать лет.

Взгляд ее невольно зацепился за одно из окон. Мгновение назад девушка была готова поклясться, что там стояла чья-то тень. Но, моргнув, она увидела лишь отражение серого неба на стекле.

Она откинулась на спинку сиденья, делая вид, что ее это не впечатлило. Но плед прижала к себе чуть крепче, еще несколько минут не решаясь покинуть экипаж.

Глава 2. Хозяйка без свиты

Фэйрхолл оказался именно таким, каким должен быть фамильный особняк, заброшенный на десяток-другой десятилетий, — величественным, мрачным и слегка обиженным на весь свет.

Он выглядывал из тумана резко, как декорация на театральной сцене, когда занавес только что распахнули. Каменные стены — серые, с темными потеками от дождя; ставни закрыты, кое-где покосившиеся; краска на дверях — облупившаяся так, что сквозь нее проглядывало дерево с трещинами, как морщины на лице старика.

Сухие деревья стояли вдоль подъездной аллеи, их тонкие ветви царапали воздух, будто пытались предупредить: «Не заходи». Но ветер играл ими слишком беззаботно, чтобы предупреждение выглядело серьезно.

Красиво — да. Но и не настолько, чтобы не хотелось бы держать под рукой что-то тяжелое на случай, если красота вдруг решит напасть.

Констанс разглядывала дом с интересом коллекционера, изучающего диковинный экспонат. Дверь в простой холл перед девушкой открылась с протяжным стоном, словно Фэйрхолл возражал против новых визитеров. Констанс сделала шаг внутрь, и ее сразу окутал запах сырости, старого дерева и пыли, которая, кажется, помнила еще времена ее прабабушки.

Холод встречал здесь как старый друг: без лишних церемоний и пробираясь через крепкое объятие сразу к костям.

В просторном холле было полутемно. Узкие полосы света пробивались сквозь щели между ставнями, ложились на ковер, выцветший настолько, что невозможно было угадать его первоначальный рисунок.

Мебель стояла по местам, как и положено в уважающем себя доме: тяжелые кресла с резными подлокотниками, массивный стол, шкаф с застекленными дверцами. Все — в слое пыли, настолько ровном, что его не хотелось трогать, чтобы не нарушать «художественный замысел».

На стенах висели портреты. Они смотрели на гостью с такой серьезностью, будто в ее прибытии было что-то крайне подозрительное. Один из предков, суровый джентльмен в камзоле, имел особенно недовольный вид.

Констанс поправила плащ, чувствуя, как тишина дома давит на уши. И тут, в глубине холла, тихо скрипнула половица. Не где-то рядом, а так, словно кто-то осторожно переместился, наблюдая за ней из-за двери или из соседней комнаты.

Она замерла, прислушиваясь, но все стихло.

— Ну, здравствуй, Фэйрхолл, — произнесла она негромко, — и кто бы там ни шуршал — тоже здравствуйте.

Холл, как выяснилось, не спешил знакомить ее с кем-либо из обитателей. Это было странно. По словам отца, в доме уже ждали горничная и пара человек для хозяйственных нужд. Но кроме ее собственных шагов и далекого потрескивания ветра за ставнями — ничего.

Констанс прошла вперед, держа руку на перилах лестницы, которые оказались ледяными на ощупь, и заглянула в ближайшую дверь.

Гостиная встретила ее тем же холодом и запахом старого текстиля. В камине — зола, серо-белая, как будто в нем разводили огонь несколько месяцев назад, но не вчера. На массивном диване — покрывало, сдвинутое в сторону, словно кто-то сидел и встал в спешке.

Она сделала пару шагов внутрь, и тут над камином что-то едва заметно качнулось — тяжелая портьера, закрывавшая окно. Ни сквозняка, ни открытых створок, но ткань шевельнулась так, будто за ней прошел человек.

Констанс остановилась, прислушиваясь. Тишина.

— Ну да, — тихо сказала она, — старые дома обожают сквозняки. Особенно такие... выборочные.

Подойдя к окну, она отдернула портьеру, но за стеклом был только туман, плотный, как шерстяной плед, постепенно скрывающий весь доступный дневной свет, и ветви ближайшего дерева.

Вернувшись к дивану, она заметила на столике раскрытую книгу, лежащую корешком вверх. Пыль вокруг лежала нетронутая, а вот на странице — едва заметный отпечаток, будто к ней недавно прикасались пальцами.

Констанс нахмурилась, но решила, что сейчас не время придумывать мистические объяснения. И все же, когда она вышла из гостиной, ей показалось, что взгляд сурового джентльмена с портрета в холле стал чуть менее недовольным.

Констанс поднялась по лестнице, ступени под ее ногами глухо скрипели, будто жалуясь на непрошеную тяжесть. На втором этаже тянулся длинный коридор, выстланный ковровой дорожкой, в которой рисунок почти стерся. Двери, высокие и тяжелые, стояли приоткрытые — как будто кто-то недавно прошел и заглядывал внутрь.

Она выбрала самую светлую комнату с видом на аллею. Здесь было все то же: холод, пыль и отчетливое ощущение, что мебель стоит слишком «по-театральному», словно ждет своей сцены.

Когда Констанс подошла к туалетному столику, зеркало на нем неожиданно дрогнуло — не от ветра, а так, будто его кто-то слегка толкнул с обратной стороны. Она замерла, глядя на свое отражение, и едва не усмехнулась.

— Отлично, — пробормотала она. — Первый день, а я уже разговариваю с мебелью и вижу движения там, где их быть не должно.

Она обернулась к двери и остановилась.

В проеме стоял мужчина преклонных лет. Высокий, худой, с удивительно прямой спиной, в черном сюртуке старого покроя. Лицо изрезано морщинами, но взгляд ясный, внимательный.

— Мисс Эшфорд, — произнес он, кивнув с безупречным почтением. — Добро пожаловать в Фэйрхолл.

Он говорил ровно, но в его голосе была та особая интонация, с которой встречают не просто хозяйку дома, а наследницу, от которой зависят старые стены. Девушка не была с ним знакома.

— Вы жили здесь все это время? — спросила Констанс, подбирая слова.

— Не совсем, мисс, — с легким поклоном ответил он. — Я навещал дом, проверял, чтобы крыша не прохудилась, окна были закрыты, и... — он слегка замялся, — чтобы те, кому сюда не положено, не проникли внутрь.

— «Те, кому не положено», — повторила Констанс. — Вы про бродяг?

— Разумеется, мисс, — с самым невозмутимым видом кивнул он. — Хотя бродяги бывают разные.

Она прищурилась:
 — Разные... насколько?

— Настолько, что лучше держать двери на замке, — дипломатично заметил дворецкий. — Прошу прощения, я не представился. Хамфри Фэйрчайлд. Дворецкий этого дома уже пятьдесят семь лет.

— Пятьдесят семь?! — не удержалась Констанс. — Это же почти...

— Почти целая жизнь, мисс, — с легкой улыбкой подтвердил он. — Я служил вашей прабабушке, вашему деду и, в некотором роде, самому дому.

— И, надо полагать, вы знаете о нем все?

Хамфри сделал едва заметную паузу, будто взвешивая ответ.
 — Все, что полезно знать хозяйке, мисс, — произнес он наконец. — А остальное приходит со временем.

И хотя голос его звучал ровно, в глазах мелькнуло что-то вроде тени, быстрой, как и неувловимый шорох за закрытой дверью.

— Если позволите, мисс, — сказал Хамфри с поклоном, — я покажу вам дом. Вам будет легче обжиться, когда вы будете знать, где что находится.

Он предложил ей руку, но Констанс предпочла идти сама, сдерживая любопытство и стараясь не обгонять пожилого дворецкого. Холл выглядел немного менее угрожающе рядом с человеком, который, кажется, помнил его во времена, когда здесь еще топили камин.

Первой была столовая — длинный стол под тяжелой люстрой, которая, по всей видимости, пережила несколько землетрясений и как минимум одну войну. На столе стояла ваза с засохшими ветками — их ломкие тени на скатерти напоминали чьи-то длинные пальцы.

— Здесь обедали каждый вечер, — спокойно сказал Хамфри, обходя стол. — Последний раз... много лет назад.

Когда они проходили мимо камина, что-то тихо щелкнуло в его глубине — будто от жара треснуло полено. Но камин был пуст, и Констанс отметила, что Хамфри ни на секунду не изменил шага.

Дальше они вошли в библиотеку. Запах старых книг здесь был особенно густым, как будто он просачивался в воздух сквозь трещины в переплетах. На одном из столов лежала раскрытая книга, а закладка — темно-синяя лента — медленно сползала на пол, словно кто-то только что читал и небрежно закрыл ее.

— Убирали недавно? — спросила Констанс.

— Я слежу за порядком, мисс, — невозмутимо ответил он, не оборачиваясь на стол. — Но книги иногда меняют свое расположение.

Констанс не удержалась от легкой улыбки:
 — Сами по себе?

— Возможно, мыши, — также ровно сказал Хамфри. — Очень умные мыши.

Он повел ее дальше, в сторону лестницы. Сквозь щели в ставнях в коридор пробивался тусклый свет, и на секунду Констансу посетило странное чувство: будто за их спинами кто-то идет, отставая ровно на шаг.

Хамфри, похоже, ничего не заметил. Или, что вероятнее, сделал вид.

Хамфри остановился перед тяжелой дубовой дверью.
 — Ваша спальня, мисс, — произнес он с тем самым тоном, в котором обычно открывают наследнице семейное сокровище.

Комната и правда была впечатляющая: высокая потолочная лепнина, широкий камин, массивная кровать с резным изголовьем и балдахином из темного бархата. И главное — постель была застелена так роскошно, что Констанс на секунду засомневалась, не ошиблась ли она этажом и эпохой. Все остальное — мебель, ковер, даже шторы — дышало пылью и забвением, но простыни и покрывало выглядели так, словно их приготовили этим утром.

— Я найду вашу горничную, — сказал Хамфри, слегка поклонился и исчез в коридоре.

Минуты тянулись. Тишина давила. Где-то в глубине дома скрипнула дверь, потом тихо хлопнуло окно, и Констанс внезапно поняла, что идея ночевать одной на втором этаже ей совсем не улыбается.

— Замечательно, — пробормотала она. — Первый день — и я уже сбегая из собственной спальни.

С этими словами она сняла с кровати подушку и одеяло, плотно обхватила их руками и направилась вниз по лестнице. На середине пролета ей показалось, что за спиной кто-то прошел — настолько отчетливо, что она почти почувствовала легкое движение воздуха. Но оборачиваться она, разумеется, не стала.

На первом этаже, в одной из небольших гостиных, было хоть какое-то ощущение безопасности. Здесь окна выходили во внутренний двор, за ними виднелся туман, но хотя бы все было ближе к выходу. Констанс устроилась на диване, натянула одеяло до подбородка и постаралась не думать о том, что где-то в пустых коридорах над ее головой могут скрипеть шаги.

Она устроилась поудобнее, подтянула одеяло к подбородку и закрыла глаза. Дом тихо поскрипывал, будто прислушивался к ее дыханию. А где-то в тени, за пределами света каминной лампы, что-то почти неслышно шевельнулось — так, что Констанс решила не открывать глаза. Если это был сквозняк, пусть он и дальше притворяется.

Глава 3. Чайная рулетка

Констанс проснулась от ощущения, что ее кто-то разглядывает. Открыв глаза, она обнаружила, что мир по-прежнему состоит из серого света за окнами, правда, на этот раз утреннего, а дополняет его холодная софа и сбившееся одеяло, которое она обнимала как последнее спасение.

Секунду она пыталась вспомнить, почему находится внизу, а не в собственной спальне, но тут же мысленно пожала плечами: «Ах да, наверху ведь слишком много лестниц, дверей и тишины, а я еще не готова к таким приключениям». Она прекрасно помнила, как предпочла спать на первой этаже, вот только забыла, что выбрала для ночевки совсем другую комнату...

В доме стояла полная тишина. Та самая, густая и чуть подозрительная, когда начинаешь думать, что все живое и неживое, включая мебель, задержало дыхание.

Хамфри нигде не было видно. Что, впрочем, неудивительно — наверняка он был весьма занят. Чем обычно занимаются дворецкие в огромных пустых домах?

Девушка потянулась, села, и взгляд ее тут же упал на столик рядом. На нем стояла изящная чашка, фарфоровая, с золотым кантом, а из нее тонкой струйкой поднимался пар.

Констанс прищурилась. — Очень мило, — пробормотала она. — А теперь, пожалуйста, пусть кто-нибудь объяснит, как эта чашка оказалась здесь, если меня никто не будил и я никого не видела.

Она осторожно взяла чашку в руки и как-то слишком решительно и смело отпила из нее. Чай был именно такой крепости, как она любила, и с точной дозой сахара: ни крупинкой больше или меньше. Это было уже слишком точным совпадением, чтобы считать его случайным.

— Наверное, Хамфри, — решила она вслух. — Или... — она быстро отпила еще один глоток, — лучше все-таки пусть это будет Хамфри.

Констанс успела сделать всего два глотка, когда где-то в холле щелкнул замок и скрипнула входная дверь.

Она чуть не поставила чашку на колени — настолько неожиданным показался этот звук в тишине. В проеме показалась молодая женщина в темном платье, с дорожным саквояжем в руках и выражением лица человека, который одновременно опоздал на основное торжество и пришел слишком рано для тайных посиделок.

— Мисс Эшфорд? — осторожно спросила она, едва перешагнув порог.

— А вы, должно быть, моя горничная, которая должна была встретить меня вчера, — отозвалась Констанс, делая глоток чая и пристально глядя на вошедшую.

Девушка покраснела. — Простите, мисс, мы вас ждали на день позже. Сэр Джордж писал, что прибудете только к обеду сегодня, вот и... — она смущенно улыбнулась. — Вышла путаница.

— Путаница, — повторила Констанс, откидываясь на спинку дивана. — Это объясняет, почему я вчера ложилась спать в компании тишины и сквозняков.

— Я уже все готовлю! — поспешно заверила горничная, ставя саквояж у стены. — Сейчас же сделаю чай... и я постараюсь, чтобы вы больше не оставались одни, мисс.

— О, — Констанс усмехнулась, — боюсь, с этим вы уже опоздали.

Горничная вопросительно подняла бровь, не смея озвучить вопрос, но Констанс, вместо ответа, сделала еще один глоток чая, решив, что лучше не начинать разговор о том, как чашка оказалась здесь сама собой.

Впрочем, горничная быстро смогла восстановить свою репутацию. Появившихся почти сразу за ней слуг она отправила сервировать стол и готовить завтрак, который подали уже довольно скоро.

Столовая встретила Констанс запахом теплого хлеба и старого дерева. Большой стол, рассчитанный минимум на десяток гостей, выглядел нелепо с ее единственной тарелкой, аккуратно поставленной, будто для торжественного обеда в честь одного человека.

Хамфри появился бесшумно, как будто вырастая из воздуха, и с достоинством поставил на стол чайник:
— Доброе утро, мисс Эшфорд. Надеюсь, вы выспались.

— Настолько, насколько можно выспаться на софе, — ответила она, доставая приборы.

— Софе? — его брови едва заметно дрогнули, но он не стал уточнять. — Сегодня я попрошу Дженни разжечь камин в вашей спальне, чтобы было теплее.

— Дженни — это моя горничная? — уточнила Констанс.

— Да, мисс. Она прибыла утром. — Хамфри ровно налил ей чай, но при этом заметно избегал смотреть в ее глаза.

Завтрак проходил молча, пока Констанс не решила нарушить паузу:
— Вы ведь давно живете в Фэйрхолле, мистер Фэйрчайлд?

— С тех пор, как себя помню, — ответил он. — И за эти годы видел многое.

— Например?

Он чуть наклонил голову:
— Например, последнего молодого гостя этого дома.

Констанс удивленно приподняла брови:
— И что с ним стало?

— Несчастный случай, — слишком быстро ответил Хамфри, а потом, словно спохватившись, добавил. — Очень печальный, конечно. Пруд, скользкие камни...

— Скользкие камни в пруду? — переспросила девушка с сомнением.

— Да, мисс. Хотя, нет, кажется лестница... Пруд был намного раньше, — он задумался на мгновение и тут же сменил тему. — Хотите тост?

После завтрака Констанс решила, что оставаться на месте — самое скучное, что можно придумать в огромном доме с дурной репутацией. Она поднялась на второй этаж, решив самостоятельно «осмотреть владения», пока утренний свет хотя бы отчасти разгонял тени.

Коридор тянулся бесконечно, с рядами дверей по обе стороны. Пол устилала ковра-вая дорожка, рисунок которой был стерт до неузнаваемости. Местами он напоминал цветы, местами — разводы от пролитого вина, и Констанс не была уверена, что предпочла бы первое.

На стенах висели зеркала в тяжелых рамах. Одно из них, особенно тусклое, стояло напротив двери, приоткрытой ровно настолько, чтобы издали казалось, будто за ней кто-то стоит.

Констанс, конечно же, успела слегка вздрогнуть, прежде чем поняла, что это ее собственное отражение.
— Великолепно, мисс Эшфорд, — пробормотала она. — Пугать саму себя — это уже новый уровень.

Она прошла еще немного, пока не уперлась в дверь, которая оказалась запертой. Дверная ручка была холодной, словно ее не трогали десятилетиями, но при этом пол перед порогом был чист от пыли, как будто сюда все же кто-то заходил.

— Интересно... — начала она, но не успела попробовать ключ, как за спиной негромко откашлялись.

Хамфри стоял в двух шагах, как будто вырос прямо из ковра.
— Прошу прощения, мисс, — сказал он вежливо, но с таким тоном, в котором не оставалось места возражениям, — некоторые комнаты лучше оставить в покое.

— Почему? — спросила Констанс, все еще держа руку на дверной ручке.

— В этих стенах много воспоминаний, — мягко произнес он. — И не все из них полезно тревожить.

Он слегка поклонился и жестом пригласил ее вернуться к лестнице, давая понять, что разговор окончен.

Констанс уже спустилась на несколько ступеней, когда почувствовала легкое дуновение воздуха в затылок, словно кто-то прошел за ее спиной. Она замерла, но в доме стояла тишина.

Сделала еще шаг, и тогда это произошло.

— Констанс... — тихий, едва слышный шепот, в котором было что-то удивительно знакомое.

Она обернулась мгновенно. Лестничный пролет был пуст. Ни Хамфри, ни горничной, ни даже пролетающей мимо пылинки.

Секунду она стояла, прислушиваясь. Дом молчал, как и прежде, но теперь тишина казалась другой — не пустой, а наполненной.

— Замечательно, — сказала она вслух, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Еще и дня не прошло в этом доме, и я уже слышу непонятные голоса.

Но, спускаясь дальше, она все же украдкой коснулась перил, будто желая убедиться, что это они холодны, как и все в годах не обогреваемом доме, а не ее руки окоченели от страха.

Глава 4. Вежливый собеседник должен показаться на глаза

Констанс сидела на краю софы в одной из комнат на первом этаже, все еще не решаясь окончательно переселиться в предназначенную ей спальню. Утро было серым, как плохо выстиранная простыня, и единственным источником энергии оставалась чашка крепкого чая.

В дверь робко постучали.
 — Войдите, — сказала она, и створка приоткрылась, впуская высокую, тонкую фигуру в сером платье и белоснежном переднике — ту самую горничную, что вчера заявила в дом с вопиющим опозданием.

— Доброе утро, мисс, — девушка присела в реверансе. — Я Дженни. Ваша горничная. Вчера мы не успели познакомиться.

— Дженни, — повторила Констанс, как будто примеряя звучание этого имени. — Хорошо. Надеюсь, вы не склонны регулярно исчезать на сутки без предупреждения.

Щеки Дженни вспыхнули.
 — Больше такого не повторится, мисс. Я хотела перенести ваши вещи в спальню, если позволите. И помочь вам привести себя в порядок после дороги и прошедшего дня.

Констанс кивнула, и они вместе поднялись наверх. Спальня встретила их тем же, что и вчера: величественной мебелью, пылью на каждой горизонтальной поверхности и роскошно застеленной постелью, будто из другого, гораздо более ухоженного дома.

Дженни подошла к кровати, чтобы сложить покрывало, и вдруг остановилась.
 — Мисс... вы это сюда клали?

Констанс подошла ближе. На подушке лежал небольшой цветок — белая гвоздика, совсем свежая, с каплей росы на лепестках.

— Нет, — протянула она. — Но, очевидно, у меня появился поклонник. И, судя по скорости доставки, он живет прямо за стенкой этой спальни.

Дженни побледнела:
 — Может... Хамфри?..

— О, конечно, — с самым серьезным видом ответила Констанс. — Пожилые дворецкие обожают украшать дамские спальни цветами на рассвете.

Она взяла гвоздику, повертела в пальцах и положила на тумбочку. Но внутри что-то подсказывало: этот утренний сюрприз точно не был результатом чьей-то галантности из числа уже знакомых ей обитателей дома.

— Если позволите, мисс, — начала Дженни, осторожно снимая покрывало, — в этом доме могут быть странности.

— Странности? — Констанс присела на край кровати, наблюдая, как пыль кружит в лучах утреннего света. — Вы имеете в виду пыль, сквозняки или соседей с чрезмерным воображением?

Горничная замялась:
 — Говорят, в Фэйрхолле никто не живет по-настоящему один.

— Как мило, — сухо заметила Констанс. — Экономия на отоплении за счет призраков, которые согревают компанию.

Дженни робко улыбнулась, но взгляд ее скользнул к закрытой двери в конце коридора:
 — Хамфри говорит, что все это чепуха. Но люди в деревне шепчутся про господина, который здесь умер.

Констанс решила не уточнять, что она уже почти уверена в реальном существовании этого «господина», живого или мертвого. Вместо этого она поднялась, подошла к комоду и заметила, что верхний ящик, который она вчера плотно закрыла, теперь выдвинут наполовину.

Она молча задвинула его обратно.
 — Дженни, — сказала она самым ровным тоном, на какой только была способна в тот момент, — если вы решили подшутить надо мной, имейте

в виду: я из семьи, где шутки редко заканчиваются без дуэли. Я вполне могу за себя постоять, даже оставаясь в статусе «мисс».

— Я?! — горничная округлила глаза. — Ни в коем случае, мисс!

Констанс вздохнула, подумав, что либо эта девушка великолепная актриса, либо у них в доме действительно есть кто-то еще, кто предпочитает гвоздики и вторжение в личное пространство. Впрочем, Констанс решила не омрачать утро этими размышлениями и решила списать все на невинные шалости кого-то из вполне живых и конкретных обитателей дома.

Внизу, в столовой, Хамфри уже стоял у окна, как будто ждал новую хозяйку особняка. На столе дымился чайник, рядом аккуратно разложены булочки и кусочки сливочного масла.

— Доброе утро, мисс Эшфорд, — произнес он с привычным достоинством. — Я подумал, вы предпочтете позавтракать здесь, а не в гостиной.

— Благодарю, — Констанс присела за стол. — Знаете, у меня есть к вам вопрос. Дженни утверждает, что в этом доме могут быть странности. Вы, разумеется, готовы опровергнуть?

Дворецкий едва заметно приподнял бровь:
— Слуги любят привирать, чтобы оправдать собственную лень.

— А смерть молодого человека в восточном крыле — это тоже из-за лени? — спросила она между делом, намазывая масло на булочку.

Хамфри замер лишь на секунду, но этого хватило, чтобы что-то заподозрить.
— Старые дома хранят старые истории, мисс. Иногда их лучше оставить в покое.

— Иногда — да, — согласилась Констанс. — Но, к сожалению, любопытство в нашей семье передается по наследству.

Дворецкий кашлянул в кулак, словно отгоняя ненужную тему, и разлил чай:
— Если пожелаете, я позже покажу вам библиотеку. Там все куда интереснее, чем пустые слухи.

Констанс едва заметно усмехнулась. Интереснее, чем призраки? Сомнительно, но она готова была убедиться в этом лично.

В коридоре на втором этаже пахло старым деревом и чем-то неуловимо сладким. Констанс шла, держа в руках чашку чая, наполненную Хамфри «на дорожку» до библиотеки. На каждом шагу половицы тихо стонали, будто жаловались на бестактность ее ботинок.

Она остановилась у большого овального зеркала в резной раме. Стекло потемнело от времени, и собственное отражение выглядело как призрак самой себя — бледной, в длинном платье, с чуть взъерошенными волосами.

— Прекрасна... — прошептал кто-то едва слышно, почти с лаской.

Констанс замерла. Чай в чашке рванул было к краям фарфора, но все-таки не пролился. Девушка обернулась — пусто. Ни Дженни, ни Хамфри, ни даже сквозняка.

— У меня потрясающая галлюцинация, — пробормотала она себе под нос и поправила волосы, словно хотела понравиться собственному воображению.

Чуть погодя она все-таки отступила от зеркала. Но еще несколько секунд ей казалось, что отражение задержалось на месте дольше, чем следовало бы.

Глава 5. Старый знакомый

Дворецкий обнаружился за ближайшим поворотом коридора, где остановился перед высокими, до самого потолка, дверями из темного, почти черного дерева. Латунные ручки поблескивали в тусклом коридорном свете.

— Библиотека, мисс, — произнес он ровно, с легким кивком. — Уверен, вы найдете здесь все, что пожелаете.

Он распахнул створки, и Констанс шагнула в прохладу комнаты. От полок, уходящих вверх в тень, пахло старой бумагой и полированным деревом, но в воздухе еще витал и едва уловимый аромат, теплый и ускользающий, как запах перегоревшей свечи.

— Если пожелаете чаю, — продолжил дворецкий и указал на серебряную цепочку возле камина, почти скрытую портьерой, — позвоните в колокольчик.

Девушка кивнула, но не успела ответить — мужчина уже отступил, и двери за его спиной мягко сомкнулись, оставив ее в полумраке, среди ровного полусшепота страниц, который, как ей сперва показалось, доносился из глубины зала.

Констанс сделала несколько шагов вперед, позволяя глазам привыкнуть к полумраку. Узкие лучи света просачивались сквозь высокие окна под потолком и ложились бледными полосами на ковер. Пыль в них дрожала в такт едва ощутимому сквозняку.

Она провела рукой по корешкам книг: кожа переплетов оказалась теплой, как от недавнего прикосновения, хотя в комнате явно было прохладно. Остановилась у массивного стола, заваленного стопками томов, и нахмурилась: одна из книг лежала раскрытой, хотя она могла поклясться, что была уверена, что тут никто не читал уже много лет — в отсутствие жильцов просто было некому.

Тиканье часов в углу усилилось, перестав быть просто фоном. Каждое «тик» будто отмеряло расстояние, которое кто-то невидимый сокращал между ними.

Внезапно где-то слева с тихим шелестом с полки выдвинулась книга — сама собой, едва-едва показалась между плотно расставленных других томов. Она остановилась, повиснув наполовину в воздухе, как будто не решаясь выпасть с полки. Констанс тоже замерла, чувствуя, как по спине скользит холодок.

И тогда она уловила звук — почти неслышимое, но очень отчетливое «ш-ш-ш», но не угрожающее, а какое-то словно приветственное.

Констанс медленно подошла к полке, откуда выглядывал корешок. — Кто здесь? — вопрос сорвался шепотом, будто ей и самой было неловко нарушать многолетнюю тишину.

Книга, словно в ответ, дрогнула и выскользнула окончательно. Падение было почти беззвучным: тяжелая, в темно-зеленом переплете, она мягко приземлилась на ковер у ног девушки. Страницы сами собой весьма уверенно раскрылись где-то посередине, будто их листал невидимый палец к конкретному месту.

На развороте оказалась красивая детальная гравюра: молодая женщина в свадебном платье мчится по ночной дороге, подол платья цепляется за камни, в руке — букет, который она, кажется, готова бросить в канаву. Под картинкой весьма многозначительный заголовок: *«История бегства мисс Элеоноры У. в ночь перед венчанием».*

Констанс опустила на корточки, чтобы рассмотреть страницы. Шрифт старомодный, строки плотно набиты, но слова все равно будто подсвечивались и легко читались друг за другом: *«...оставив за спиной дом, жениха и всех свидетелей, она направилась к морю...»*

Констанс вдруг показалось, что от книги веет теплом, как от дыхания живого человека. В следующий миг за ее спиной раздался легкий скрип: стул у стола медленно отъехал от него, освобождая место для человека. Приглашение присесть было очевидным.

Констанс медлила, переводя взгляд с мебели на книгу, потом снова посмотрела в глубину зала.
 — Вы... хотите, чтобы я прочла это? — спросила она вполголоса, чувствуя себя слегка глупо.

Ответа, конечно, не последовало. Лишь тихий, едва уловимый вздох. Или сквозняк, что вероятнее всего.

Девушка подхватила книгу и осторожно опустилась на стул. Текст был лаконичен, но в нем не находилось ничего понятного или конкретного: *«...утром после побега мисс Элеонора узнала, что ее жених скончался при странных обстоятельствах. Слухи утверждали, что смерть постигла его в ту же ночь, когда она покинула дом. Возможно, он погиб из-за разбитого сердца...»*

Констанс невесело усмехнулась, постукивая пальцем по полям страницы.
 — Прекрасно. Было бы... забавно, — произнесла она, ирония в голосе смешалась с тенью раздражения, — узнать, что кто-то из моих отвергнутых поклонников тоже ушел из жизни столь... бесславно.

Что-то щелкнуло в глубине зала, и вдруг воздух сгустился так, что дыхание стало холодным. Констанс почувствовала, как за спиной что-то меняется, будто в комнате появился еще кто-то.

— Ну разумеется, — протянул знакомый голос, пропитанный таким количеством сарказма, что ей захотелось спрятаться под стол, — в твоих историях я непременно окажусь героем, достойным жалости или посмешища.

Она замерла — голос был слишком узнаваем. Медленно обернулась на звук, и сердце ухнуло вниз.

Томас. Тот самый Томас Браун, с его безупречным пробором, всегда слегка приподнятой бровью, словно он смотрел с недоверием и неизменным выражением «ты сейчас серьезно?» Только теперь сквозь его плечо проглядывалась полка с книгами, а край силуэта дрожал, будто от жара.

— Ты... — слова застряли в горле Констанс.

— Да-да, я, — Томас сделал шаг, держа руки за спиной, как всегда, когда собирался отчитать кого-нибудь. — Твой самый первый отвергнутый жених, который, между прочим, не смог достойно пережить твое великое бегство.

Он окинул ее взглядом, полным театральной укоризны. Констанс не нашла сил ответить.
 — Хотя, надо признать, — добавил молодой человек с легкой усмешкой, — я не ожидал, что в твоём пересказе смогу выглядеть еще более жалко, чем был на самом деле.

Констанс судорожно сглотнула, пытаясь уловить хоть каплю логики в происходящем:
 — Ты... умер?

— Неужели ты только что это поняла? — язвительно вскинул бровь Томас, хотя, казалось бы, ее нельзя было поднять выше, но тут его тон вдруг изменился. Он замер, рассматривая ее так, будто увидел нечто невозможное, и чуть склонил голову. — Постой... Ты меня видишь?

На его лице медленно проступило настоящее, не напускное удивление. Такое же выражение лица оказалось и у Констанс — они оба оказались удивлены такому стечению обстоятельств.
 — Любопытно... — пробормотал Томас, и впервые за всю беседу в его голосе не слышалось сарказма. — После смерти меня еще никто не видел.

Свеча дрогнула, и в этот миг они оба ощутили, что в библиотеке стало тише, чем должно быть, так тихо, что слышно было, как у Констанс бьется сердце.

Свеча дрогнула еще раз, но не погасла, а, напротив, разгорелась сильнее, и теплый круг света охватил их обоих: живую девушку и призрачного мужчину, словно в пространстве библиотеки исчезли границы между мирами.

Томас все еще смотрел на нее с легким прищуром, но теперь в нем было больше осторожного интереса, чем упрека.
 — Любопытно... — повторил он чуть тише, словно говорил не ей, а самому себе. — Может, наконец-то станет не так одиноко.

Он шагнул ближе и остановился на расстояние вытянутой руки, но Констанс не почувствовала его приближения, только легкий холодок, похожий на утренний туман.
 — Значит, ты меня видишь... — медленно произнес он, подводя итог своих размышлений, и в его глазах мелькнул тот самый блеск, знакомый Констанс — именно с этого выражения глаз и начинались все их споры.

Девушка, все еще держа в руках тяжелую книгу, понимала, что делает то, чего никогда не делала: не отводит взгляд, не пытается избежать контакта с неинтересным ей мужчиной.
 — Кажется, — выдохнула она, собрав все свое мужество и здравый смысл в кулак, — у нас есть, что обсудить.

— О, несомненно, — согласился Томас, и уголки его губ чуть дрогнули, выдавая возвращающуюся привычку к остроумным замечаниям.

Свет свечи вытянулся, закачался, и в следующий миг они все-таки остались в полумраке, как два участника тайной встречи, которую нельзя прервать.

Глава 6. Переговоры с воздухом

Глаза Констанс постепенно привыкли к темноте, и она осознала простую, но малопонятную истину: в библиотеке она одна. Пустота вокруг казалась еще глуше оттого, что сердце стучало слишком громко, и каждый удар отдавался пульсацией в висках.

«Спокойно, мисс Эшфорд, — велела себе она. — Никаких истерик. Галлюцинации — вещь нормальная. Особенно у тех, кого только что фактически сослали на край света. Это, безусловно, последствия усталости или недосыпа. Или...»

Недосып звучал вполне убедительно. Недоедание — тоже неплохая версия. Но видеть в полумраке человека, которого последний раз она видела несколько лет назад, и при этом слышать его голос — это уже не вписывалось в перечень банальных симптомов.

— Никаких мертвых женихов, — пробормотала она вслух, будто хотела убедить стены. — Тем более в идеально сшитом костюме.

В этот момент в дальнем углу тихо хрустнула доска пола.

Ее ладони похолодели. В висках застучало еще сильнее, и все тело будто само решило, что спорить с инстинктом — плохая идея.

Следующее, что девушка осознала — это как быстро, совершенно не заботясь о достоинстве, она подскочила с кресла, почти споткнувшись о подол юбки, и выскочила в коридор. Дверь библиотеки захлопнулась за спиной с таким звуком, будто она пыталась запереть внутри саму тьму.

На мгновение Констанс прислонилась к прохладной стене, пытаясь отдышаться. Паника еще щекотала затылок, а в голове вертелась нелепая мысль: «Надо будет велеть слугам проверить пол на прогнившие доски. Доски, а не призраки». И, прижав ладонь к сердцу, она решительно зашагала в сторону, противоположную библиотеке.

Констанс уже успела сделать несколько шагов, когда из полутьмы коридора материализовалась высокая, прямая фигура Хамфри. Дворецкий, как и всегда, выглядел так, будто только что сошел с иллюстрации к выпуску «Идеальной прислуги»: безупречный фрак, ровная осанка, почтительный взгляд с немой упреком где-то в глубине.

— Мисс Эшфорд, — склонил он голову. — Все ли в порядке?

«Конечно, все в порядке. Просто разговаривала в библиотеке с покойником, а потом испугалась сквозняка — сущие пустяки,» — подумала Констанс, но вслух не решилась это сказать.

— Абсолютно, — выдала она с самым невинным видом, поправляя непослушную прядь волос. — Решила... размяться. Немного пройти перед сном. Очень полезно для здоровья, знаете ли.

— Безусловно, — отозвался Хамфри, но взгляд его задержался, словно фокусируясь на ее сбившемся дыхании и слегка покрасневших щеках. — Желаете, чтобы я проводил вас в гостиную? Или спальню?

— Нет-нет, — замахала она руками чуть быстрее, чем следовало. — Я сама. Не утруждайте себя.

Он кивнул и, не задавая больше вопросов, скрылся за дверью соседней комнаты. Констанс вздохнула, как человек, которому только что удалось выйти сухим из воды, и тут же мысленно добавила: «И не дай бог туда снова нырнуть».

Спальня встретила Констанс тишиной и холодом. Ни свежесваренного чая, ни принесенной заранее стопки книг. Лондонские привычки явно оставались исключительно в Лондоне.

Впрочем, такое неудобство, как отсутствие помощницы в вечернем туалете ее нисколько не смущало. Уже много лет она сама управлялась с любыми пуговицами, шнуровками и лентами. При желании могла бы переодеться даже в карете, стоя на одной ноге.

Но дело было вовсе не в самостоятельности или гордости. Просто так было сильно проще. Без чужих рук, чужого дыхания рядом, без риска, что кто-то коснется ее кожи. Она тщательно избегала любых прикосновений всегда и со всеми. Неважно, кто это был: служанка, подруга или жених. Особенно жених.

Сегодня она выбрала для сна простое домашнее платье, в которое можно было влезть и без посторонней помощи. Обычно не слишком туго затянутый корсет она сняла сама и отправила в шкаф, распустила волосы и быстро, насколько позволяли остальные части гардероба, переделалась. Уютно и максимально прилично, чтобы даже случайный взгляд не нашел повода для сплетен.

— Вот бы еще кто-нибудь подал мне грелку... — пробормотала она, укладывая подушку. — Но, боюсь, придется довольствоваться собой.

Одеяло оказалось прохладным, но Констанс знала: куда хуже холодного постели — холод чужих прикосновений.

Спальня выглядела так, словно в ней собирались снимать иллюстрацию к роману Готхольда. Высокий потолок, тяжелые портьеры, кровать, способная вместить целый гарем... и ощущение чужого присутствия. Спасибо, что хотя бы пыль уже успели убрать.

Констанс с сожалением подумала, что зря рискнула ночевать здесь. Внизу на диване было, пусть и неудобно, но хотя бы не так жутко. Лежа под прохладным одеялом, она вертелась, то натягивая его до подбородка, то сбрасывая на пол. Коридоры особняка будто жили своей жизнью: где-то постанывал пол, где-то тихо шелестела ткань, и это явно были не мыши.

Наконец, когда глаза начали слипаться, она заметила тень в углу. Сердце рухнуло. В кресле в глубине комнаты Томас. Все такой же молодой, в старомодном костюме, с тем самым чуть насмешливым взглядом, который она помнила в деталях.

— Опять решила сбежать? — его голос был мягким, почти ласковым, и это пугало не меньше самого его присутствия.

Констанс рывком села, обхватив колени руками. Хотела сказать что-то язвительное, но слова застряли где-то в горле.

Миг — и кресло снова пустовало. Констанс замерла всего на мгновение, потом соскочила с кровати, нащупала на тумбе канделябр и щелкнула огнем спички.

— Ну-ка, появись! — потребовала она, как будто вызвала на дуэль невидимого противника. Пламя свечей затрепетало, отражаясь в бронзовых завитках и в ее чуть нахмуренных глазах. — Давай, Томас, если уж начал, доведи до конца.

И он действительно появился. Просто стоял там, опершись ладонью о подлокотник кресла, с тем самым вкрадчивым выражением лица, за которое когда-то хотелось швырнуть в него веером.

— Знаешь, — начала Констанс, делая шаг вперед и размахивая канделябром, как грозным аргументом, — врываться в спальню молодой леди среди ночи без приглашения — неприлично. Даже для призрака.

Томас чуть склонил голову, и уголки его губ дрогнули. — А разве тебя когда-нибудь волновали приличия, Конни? — в его голосе была легкая насмешка, но без яда. — К тому же, это редкая удача — впервые за много лет в этом доме кто-то меня видит.

Она прищурилась. — А вломиться, потому что скучно, — это что, твой способ восстановить общение?

— Мой способ напомнить, что этот дом вовсе не пустой, — тихо парировал Томас. — И что я не собираюсь притворяться мебелью.

— Ты мог бы хотя бы... — начала она, но договорить не успела.

Томас исчез, как сдувшийся мыльный пузырь. Был — и нет.

Констанс еще пару секунд сверлила взглядом пустое кресло, а потом медленно опустила канделябр, чувствуя, как неприлично громко стучит сердце.

— Прекрасно, — пробормотала она, обращившись к кровати. — Я спорила с воздухом. И, видимо, проиграла.

Свечи тревожно трепетали, отбрасывая на стены причудливые тени, и ей казалось, что одна из них все-таки шевельнулась, но, честное слово, она решила этого не замечать.

Она вернулась в постель, притянула одеяло почти до подбородка и с показной решимостью отвернулась к стене. А канделябр оставила гореть — на случай, если «воздух» решит вернуться.

Глава 7. Незванный гость пригласил себя

Утро встретило Констанс серым светом, уверенно пробивающимся сквозь тяжелые гардины. Она спала, словно в болезненном бреду: каждый раз, едва закрыв глаза, она вновь просыпалась от неясных образов. Ей чудились тени в углу комнаты, тихий вздох за плечом, ощущение, что рядом кто-то стоит. Просыпаясь, она не почувствовала облегчения, только ту самую усталость, когда ночь словно издевается над телом и не дает отдыха.

Утром девушка нехотя поднялась, провела руками по лицу, пытаясь стряхнуть липкую сонливость, и принялась одеваться. Ее движения были точны и быстры, привычная независимость делала свое дело: она не нуждалась в чьих-либо руках, чтобы застегнуть платье или поправить кружево у горловины. Все это она научилась делать сама и предпочитала, чтобы привычный ритуал не менялся. Да, красота ее гардероба несколько страдала, самостоятельно Констанс не могла соблюсти все требования моды, но это ее мало волновало, особенно с учетом того, что щеголять модными нарядами ей было не перед кем.

В столовой ее уже ждал мистер Хамфри. Дворецкий, как всегда, невозмутим, но в руках он держал не только поднос с чаем, но и желтоватый тонкий конверт без обратного адреса.

— Доброе утро, мисс Констанс, — произнес мужчина с легким поклоном. — На завтрак будет подано через несколько минут. И, кстати, это доставили для вас.

Она моргнула, принимая письмо. Бумага показалась странно холодной, словно ее только что вынули из сырого подвала. Почерк на конверте был резкий, старомодный, угловатый, и, казалось, будто чернила не высохли до конца.

— Кто его принес? — спросила она, стараясь, чтобы голос прозвучал спокойно.

— Боюсь, не знаю, мисс, — дворецкий чуть склонил голову. — Конверт лежал у двери, когда я поднялся этим утром.

Констанс почувствовала, как внутри ее вновь шевельнулся тот же холод, что и ночью. Она перевернула письмо, но никаких печатей или имен не оказалось. Лишь ее собственное имя — Констанс — написанное так, словно писавший знал ее слишком хорошо.

Девушка села за стол и неторопливо разорвала конверт и развернула письмо. Чернила в нем были чуть поблекшие, будто перо окунали слишком поспешно.

«Долгожданное появление хозяйки в этих стенах — это истинная радость для моего нетерпеливого сердца. Я давно ждал, что дом вновь оживет.

Прошу принять мою искреннюю симпатию. В течение ближайшей недели я намерен навестить вас, чтобы лично выразить почтение.

Ваш преданный слуга,
Эдвард Стэнхоуп».

Констанс перечитала строки дважды. Вежливость оборотов не могла скрыть того факта, что господин Стэнхоуп, в сущности, сам, себя пригласил в ее новый дом. Она фыркнула, поднимая глаза к мистеру Хамфри:

— Прелестно. Оказывается, в этих краях есть обычай — объявляться в чужом доме без приглашения? Господин Стэнхоуп вам знаком?

Хамфри выдержал паузу, привычно собранный, но в его взгляде мелькнула тень сомнения.

— Господин Стэнхоуп... — он произнес имя медленно, как будто пробуя его на вкус, и даже позволил себе едва заметную улыбку. — Конечно. Теперь я вспомнил. Это весьма уважаемый молодой джентльмен, мисс. Уже много лет он проявляет неподдельный интерес к поместью. Писал письма, высказывал желание купить его, но все эти годы дом оставался без формального хозяина, поэтому его запросы оставались без ответа.

— И его письма всегда неожиданно находили утром у двери? — уточнила Констанс, чуть приподняв бровь.

— Совершенно верно, его посыльного я ни разу не видел, — подтвердил дворецкий. — Обычно раз в год, не чаще. Я полагал, это так и останется странной привычкой.

Констанс сжала письмо чуть крепче, чем следовало. Бумага хрустнула под ее пальцами.

— И теперь он собирается пожаловать сюда лично, — сказала она вслух, больше себе, чем Хамфри. — Очаровательно. Значит, у меня будет не только местные призраки и ваши молчаливые предупреждения, но и живой претендент на мое новое жилище.

Она резко сложила письмо, но ощущение холода от бумаги не исчезло.

— И все же, мистер Хамфри, — Констанс все-таки обратила свое внимание на завтрак и разломил кусочек хлеба, хотя аппетита не имела вовсе, — что вы можете сказать о господине Стэнхоупе? Сколько ему лет, чем он занят? У него, быть может, дурная репутация или хотя бы задокументированная эксцентричная привычка коллекционировать чужие дома?

Дворецкий чуть склонил голову, задумчиво поглаживая подбородок.

— Я бы не осмелился утверждать что-либо определенное, мисс. Его письма всегда были безупречно вежливы, изящны, как и сам почерк, — он сделал паузу и добавил. — Что до возраста... ну, он не стар. И, насколько мне известно, вполне состоятельный человек.

— «Не стар» и «состоятельный» — это все, что вы можете предложить? — Констанс прищурилась. — Звучит так, словно я собираюсь на смотрины.

Хамфри сохранял невозмутимость, но взгляд его ускользнул куда-то к окну:

— Что касается дурной репутации, мисс, я бы предпочел воздержаться от догадок. Все же он проявлял настойчивость исключительно в отношении поместья, а не его прежних обитателей.

Констанс задумчиво постучала пальцами по столу.

— И с какой стати он решил, что особняк вообще продается? — в ее голосе сквозила насмешка. — Я не припомню, чтобы вывешивала табличку «На продажу».

— Возможно, сам дом наводит на такие мысли, — мягко ответил Хамфри. — Его запустение могло показаться приглашением к покупке.

— Великолепно, значит, мой фамильный особняк теперь подает сигналы всем, кто желает приобрести его? — Констанс вздохнула и, откинувшись на спинку стула, постаралась вернуть себе легкий тон. — Хорошо. И что же нам теперь предпринять?

Дворецкий чуть склонился вперед, как будто обсуждал вопрос государственной важности:

— Прежде всего, мисс, следует позаботиться о достойном ужине. Я также распоряжусь подготовить гостевые покои. Если вы не возражаете, я займусь этим немедленно.

Констанс приподняла бровь:

— Как ловко, мистер Хамфри. Человек сам себя пригласил, а мы еще и суетимся, чтобы ему угодить.

Дворецкий промолчал. Девушка взяла письмо, снова взглянула на подпись и, чуть скривив губы, добавила:

— Что ж, мистер Стэнхоуп, похоже, вы будете приняты с распростертыми объятиями. Хоть и не моими.

После этого Констанс уставилась на тарелку с жареными яйцами, словно надеялась, что еда заговорит и отвлечет ее от мыслей. Вилка в ее руке сделала пару нерешительных движений, но кусок так и не дошел до рта.

«Какое-то нелепое стечение обстоятельств, — подумала она, — стоит мне поселиться в этом доме, и он вдруг оживает. Сначала призрак моего жениха. Или, допустим, слишком убедительное сновидение, вызванное сыростью, одиночеством и чересчур пылким воображением. А теперь вполне реальный господин Стэнхоуп, который считает, что дом продается. Хотя я, разумеется, не писала объявлений в газету и не развешивала афиш на воротах».

Она отломил кусочек хлеба и с раздражением обмакнула его в масло.

«И все это в течение одной недели. Прежде в Лондоне моей главной драмой было то, что отец в очередной раз пытался выдать меня замуж. А здесь призраки, настойчивые покупатели, и дворецкий, который говорит загадками хуже любого оракула. Прекрасно. Совершенно прекрасно».

Констанс наконец поднесла хлеб ко рту, но тут же отложила его обратно на тарелку. Аппетит окончательно сбежал, прихватив с собой остатки спокойствия. Она огляделась по сторонам: столовая была пуста, но ощущение, что за ней наблюдают, не оставляло.

«В конце концов, — продолжила она свои размышления, — кто бы мог подумать, что жизнь в разваливающемся особняке окажется насыщеннее, чем вся моя прежняя светская рутина? Может, стоит завести календарь и отмечать: понедельник — встретила призрака, вторник — объявился самозванный покупатель. Что будет в среду?».

Она усмехнулась, но усмешка вышла нервной.

Хамфри вернулся обратно бесшумно, будто вырос прямо из пола. Его камзол был безупречен, галстук завязан идеально, и лишь тонкая сеть морщин на лице выдавала возраст, который легко можно было измерять десятилетиями.

— Комнаты для мистера Стэнхоупа уже готовят, мисс, — сообщил он почтительно. — Разумеется, если вы все еще не возражаете.

Констанс приподняла бровь. — А даже если я возражаю, Хамфри? Но, хорошо, я не возражаю, — она сделала паузу, сама поражаясь нелепости собственных слов. — Впрочем, все это не имеет значения. Вы, как всегда, сделаете все по-своему.

— Я делаю все для вашего удобства, мисс, — поклонился он, и от этого поклона у нее сложилось впечатление, что настоящим хозяином дома был он, а не она.

Хамфри снова удалился, оставив после себя запах старого дерева и непоколебимое чувство, что все решено без ее участия.

Констанс упрямо стиснула губы. — «Нет, довольно, — подумала она. — Этот дом не будет диктовать мне правила. Ни таинственные покупатели, ни дворецкие с лицами мудрых сфинксов, ни уж тем более призраки...»

Она решительно поднялась, случайно смахнула со стола нетронутую вилку, но даже не обратила на нее внимания и направилась в коридор. Шаги гулко отдавались под высокими потолками, словно сам дом внимательно прислушивался к ее решимости.

У дверей библиотеки Констанс замерла лишь на мгновение. Вчерашняя дрожь еще жила в ее памяти, но теперь поверх страха поднималось другое чувство — она была готова бросить вызов.

Она толкнула дверь и вошла. Тишина встретила ее, плотная и вязкая. Книжные стеллажи уходили вверх, скрываясь в тени. Но призраков не было видно.

— Ну что ж, — сказала она вслух, схватив с ближайшего комода канделябр и сжав его чуть крепче, чем следовало. — Если вы действительно существуете, уважаемый Томас, давайте уже пообщаемся по-человечески. После стольких лет...

Глава 8. Опоздание, достойное скандала

Дни тянулись, и чем дальше, тем сильнее Констанс убеждалась: господин Стэнхоуп презошел всех других знакомых ей мужчин в умении раздражать. Он сам назначил срок визита, сам же его и нарушил.

— Великолепно, — бурчала девушка, прохаживаясь по гостиной, уже почти сроднившись с этой комнатой. — Одни женихи почти насильно тянут алтарю, другие возвращаются в виде призраков... а этот умудряется опаздывать на собственное самоприглашение. Что-то совершенно новое.

Канделябр на камине, казалось, слушал ее с немим сочувствием.

Ее возмущало не столько отсутствие гостя, сколько вопиющее неуважение к ней. Констанс еще могла терпеть поломанные двери, запертые комнаты, даже бывшего жениха-призрака, но невежливость в бытовых вопросах — это уж слишком даже для нее.

— Пускай только явится, — сказала она однажды за завтраком, ткнув вилкой в яичницу с такой яростью, будто это был голова или торс самого Стэнхоупа. — Я ему напомним, что если мужчина уж осмелился позвать сам себя в гости, то обязан хотя бы явиться в срок.

Хамфри, подававший ей чай, вежливо кашлянул в кулак: **
** — Уверен, мисс, задержка связана с непредвиденными обстоятельствами.

— Конечно, — холодно усмехнулась Констанс. — Наверняка бедняге пришлось отложить поездку, потому что он забыл, что должен был неожиданно-негаданно навестить кого-то еще.

Дворецкий мудро промолчал в ответ. Она встала из-за стола, решительно отставив чашку: **
** — Знаете, мистер Хамфри, я еще могла бы простить ему желание купить дом, может, было бы даже приятно избавиться от этой развалюхи. Но игнорировать собственное данное леди слово — вот это уже преступление против приличий.

Оставшись после завтрака в одиночестве, Констанс уже собиралась снова пройти по гостиной, когда в углу тихо скрипнуло кресло. Она обернулась и, разумеется, увидела его. Томас сидел в том же самом кресле, которое полюбил занимать со времени его первого появления на глаза девушке, словно никогда и не уходил, и смотрел с откровенной насмешкой.

— Ты сердисься, Конни, — заметил он, едва уловимой улыбкой тронув губы. — Знаешь, это идет тебе куда больше, чем ожидание. Хотя ожидание тоже к лицу.

— И что же именно мне идет? — прищурилась она, вцепившись в спинку стула, словно в оружие. — Ожидание незваных гостей, которые даже не умеют приходить вовремя?

— Нет, — Томас откинулся в кресле, скрестив руки на груди. — Мне нравится, когда ты кипишь от эмоций. В Лондоне ты была куда холоднее.

— Возможно, потому что в Лондоне мне не доводилось общаться с покойниками, — отрезала Констанс.

Томас хмыкнул: **
** — А теперь приходится. Но, признай, этот твой неизвестный гость, ведет себя куда невежливее, чем я.

— По крайней мере, он жив, — огрызнулась она. — Уже одно это ставит его на шаг впереди.

— Ты уверена? — его голос стал мягче, но от этого только холоднее. — Я-то здесь. Я появляюсь, когда ты зовешь. А он? Он даже явиться вовремя не способен.

Констанс отвернулась, чтобы он не заметил, как ее кольнули его слова: **
** — Замечательно. Выходит, я должна благодарить своего личного призрака за пунктуальность.

— Не за пунктуальность, — поправил Томас. — За то, что он всегда рядом. Я рад, что у меня появилась такая возможность.

Свеча на камине вдруг мигнула, и комната на мгновение погрузилась в полумрак. Констанс сжала руки в кулаки, но все же заставила себя повернуться к нему лицом.

— Ты можешь сколько угодно строить из себя галантного кавалера, Томас, — сказала она тихо, — но я не собираюсь позволять ни живым, ни мертвым указывать мне, что чувствовать и что делать.

Он чуть склонил голову, словно оценивал ее стойкость, и растворился в воздухе, оставив после себя еле заметный запах табака и лилий.

Почти в тот же момент двери особняка распахнулись с деланной торжественностью, и мистер Хамфри вошел в гостиную, чуть склоняясь и отходя в сторону, жестом приглашая вперед прибывшего гостя.

— Госпожа, позвольте представить: мистер Эдвард Стэнхоуп, — произнес дворецкий с привычной невозмутимостью, будто представлял старого хозяина поместья.

Констанс вышла из гостиной в холл. Холод ее взгляда был достоин мраморной статуи. — Мистер Стэнхоуп, — сказала она тоном, от которого в воздухе ощутимо понизилась температура. — Мы, кажется, не договаривались на столь... поздний визит.

Он — высокий, с той изысканной осанкой, что обычно приписывают офицерам или хорошим актерам театра, — шагнул к ней с уверенной улыбкой. — Ах, прошу прощения, мисс Эшфорд, — протянул он руку, словно между ними никогда не было недоразумений. — Дорога выдалась долгой. Еще и не без приключений.

Констанс даже не пошевелилась. Его рука повисла в воздухе лишь на миг, отдаляясь от него, и тогда он сам, почти незаметно, перехватил ее запястье. Его пальцы коснулись ее кожи — обнаженной, без перчатки — и губы мягко скользнули по тыльной стороне ладони.

Констанс застыла. Сердце замерло, тело напряглось, ожидая того, чего она боялась больше всего: образов, которые обычно вырывались при прикосновениях... но ничего не произошло. Ничего ужасающего не случилось. Чувствовалось только тепло его губ и слишком близкий запах дорогого парфюма.

Она рывком выдернула руку, стараясь сохранить холодное достоинство. — Позвольте впредь обходиться без подобных вольностей, сэр.

Стэнхоуп склонил голову с безукоризненной вежливостью, но в его глазах мелькнула насмешка. — Конечно, хозяйка дома вправе устанавливать правила. Но прошу учесть, что приехал я не один. Придется позаботиться и о моих сопровождающих.

— Очаровательно, — отрезала Констанс. — Значит, мне предстоит разместить целую свиту человека, которого я даже не приглашала.

В этот момент за ее спиной раздался яростный голос, прорывающий тишину, словно сквозняк сквозь старые двери:

— Как этот наглец посмел явиться сюда?! — гулко, с эхом, прозвучало по залу.

Констанс едва не выронила канделябр. Она уже прекрасно узнавала этот голос в особняке: Томас. Призрак, чей гнев был теперь неоспорим, и, что еще хуже, явно обращен против Стэнхоупа.

Стэнхоуп же, как ни в чем не бывало, продолжал улыбаться. Он ведь не видел призрака, а Констанс никак не могла понять, почему так зол ее бывший жених. И все же она знала: что бы ни связывало Томаса и Эдварда, оно способно превратить ее жизнь в еще большую неразбериху, чем она ожидала.

Глава 9. Двоим в одном доме слишком тесно

В холле витало напряжение, хотя гость, похоже, его вовсе не замечал. Эдвард Стэнхоуп вел себя так, будто приехал не в чужой семейный особняк, а в собственный мужской клуб: с легкой улыбкой, с той бесцеремонной уверенностью, которая всегда маскируется под воспитанность.

— Благодарю за радушный прием, мисс Эшфорд, — произнес он, передавая перчатки Хамфри так, будто тот был его личным камердинером. — Дом прекрасен. Даже в нынешнем состоянии в нем чувствуется аристократическое дыхание веков.

— Должна признать, — холодно ответила Констанс, — не каждый умеет видеть «аристократическое дыхание» сквозь трещины в стенах и паутину под потолком.

Она нарочито обошла его стороной и двинулась в гостиную, держа канделябр как щит. За ее спиной тенью скользнуло чужое возмущение: — Как он смеет! — голос Томаса отозвался эхом в самой ее голове.

Констанс едва не вздрогнула, но тут же напряглась, сохраняя неприступность. Ни один мускул не дрогнул на ее лице.

Стэнхоуп ничего не заметил, видя только ее шаги, ровные и уверенные. — Прекрасно, что дом вновь ожил, — продолжал он, словно читал репетиционную речь. — Уверен, у нас будет время обсудить детали.

— Детали? — Констанс повернула к нему голову так резко, что крупный локон выбился из и без того не идеальной прически. — Я, кажется, не упоминала никаких тем, «детали» которых мы могли бы обсуждать.

В этот момент где-то в верхних коридорах гулко хлопнула дверь. Стэнхоуп даже не вздрогнул, а Томас уже совсем без церемоний бросил ей: — Прогони его! Этот дом не для таких, как он.

Констанс продолжала держать лицо. Ни одного слова, ни одного лишнего взгляда она не бросила, чтобы не разрушить свой сдержанный холодный образ. Девушка лишь слегка приподняла бровь и сказала с ледяной вежливостью: — Мистер Стэнхоуп, быть может, вы объясните, что именно привело вас сюда, кроме желания оценить аристократическую паутину?

Стэнхоуп обошел гостиную, задержав взгляд на потемневших от времени портретах. Его пальцы скользнули по резной раме, словно он уже мысленно присваивал себе эти стены.

— Я приехал не только из любопытства, — сказал он наконец. — Скажем так, у меня есть серьезное намерение. Этот дом... он слишком долго пустовал. А ведь из него можно сделать жемчужину. Я хотел бы предложить вам свое участие в его восстановлении.

— Участие? — Констанс опустила канделябр на стол так, что пламя свечей дрогнуло. — Само это слово звучит многообещающе. Но мне чудится, что под ним скрывается вполне банальное предложение о покупке.

Он чуть улыбнулся, ровно настолько обнажив белоснежные зубы, чтобы нельзя было назвать это дерзостью: — Если быть откровенным, мисс Эшфорд, я действительно желал бы приобрести этот особняк. Но раз уж теперь у него есть хозяйка, могу предложить взаимовыгодное партнерство.

— Партнерство? — Констанс произнесла это слово так, словно пробовала на вкус экзотическую приправу и находила ее сомнительной.

За ее плечом зашипел воздух, и чей-то яростный голос прорезал тишину: — Он уже однажды хотел завладеть домом! Ему здесь не место!

Констанс сжала руки так, что ногти вонзились в ладонь. Томас был рядом, она чувствовала его почти физически: холодное дыхание у самого уха, запах табака, с которым не спутаешь никого.

Стэнхоуп же продолжал спокойно: **
** — Я готов вложить средства, привести сюда рабочих, архитекторов, вернуть этому месту блеск. Но, разумеется, только с вашего согласия.

«Вернуть блеск? — горько подумала Констанс. — А кто спросил, хочу ли я этот блеск?»

— Ему не нужен блеск, — вкрадчиво, но с явным ядом произнес Томас. — Ему нужно все: все стены, все комнаты, прислуги. Даже ты ему наверняка нужна, Конни.

Она стиснула зубы, сохраняя ледяное выражение и стараясь не реагировать на невидимого для всех остальных оратора. **
** — Что ж, мистер Стэнхоуп, — сказала она вслух, — ваше предложение звучит щедро. Но я вынуждена попросить время на размышления.

— Разумеется, — он склонил голову. — У нас впереди целая неделя. Я планирую остаться здесь как минимум до конца месяца, так что время будет. Разумеется, если вы окажете мне любезность, позволив так долго наслаждаться вашим обществом.

Хлопнула еще одна дверь где-то наверху, и теперь даже Хамфри нахмурил брови. Но Стэнхоуп лишь усмехнулся, как человек, привыкший не замечать всяких суеверных пустяков.

Стэнхоуп сделал последний обход гостиной и снова остановился у двери. **
** — Ну, и, конечно, благодарю за прием, мисс Эшфорд, — сказал он с таким видом, словно речь шла о встрече старых друзей. — Но, признаюсь, путь оказался изнурительным. Позвольте удалиться, чтобы немного отдохнуть.

— Разумеется, — Констанс кивнула Хамфри, которому и не нужно было лишних слов. — Проведите мистера Стэнхоупа в его покои.

— С превеликим удовольствием, мисс, — дворецкий сделал легкий поклон и жестом пригласил гостя следовать за ним.

Стэнхоуп приблизился к хозяйке дома чуть ближе, чем позволял этикет, снова наклонил голову в знак прощания, и его взгляд скользнул по ней слишком внимательно, слишком собственнически. Улыбка, которой он сопровождал этот взгляд, была безупречна и оттого вдвойне опасна.

Лишь когда двери за ним и Хамфри закрылись, Констанс позволила себе короткий, облегченный выдох. Но облегчение длилось секунду, не дольше.

По плечу скользнуло ледяное прикосновение, таким холодом могло обжечь лишь присутствие иного мира. Она вздрогнула, обернулась и, разумеется, кресло в углу и пространство вокруг было пустым.

— Он не должен быть здесь, — прошипел Томас у самого уха уже с другой стороны. Голос его дрожал от ярости, и в нем не осталось и следа от прежней насмешливости.

Канделябр на столе задрожал, будто его качнула невидимая рука, одна свеча погасла, оставив тонкую струйку дыма.

Констанс вцепилась пальцами в спинку кресла, пытаясь удержать равновесие. Она слышала, как бешено бьется ее сердце, но голос ее прозвучал ровно, почти дерзко: **
** — А кто решает, Томас? Кто имеет право определять, кто должен быть здесь, а кто нет? Ты? Или все-таки я?

Тишина загудела в ответ. Казалось, сам дом затаил дыхание. Потом где-то в верхнем коридоре с грохотом хлопнула дверь. За ней — еще одна. Стены содрогнулись, как от порыва ураганного ветра, хотя за окнами было тихо.

— Я защищаю тебя, Конни, — его голос вернулся, и в нем сквозила не просьба, а требование. — Он принесет с собой беду. Всегда приносил.

— Довольно, — прошептала она, хотя руки ее все еще дрожали. — Я не позволю ни живым, ни мертвым распорядиться мной.

Она сделала шаг вперед, и половицы под ее ногами пронзительно застонали, будто сами стены протестовали против ее слов. Но Констанс держала голову прямо, словно хотела бросить вызов не только призраку, но и самому дому.

Глава 10. Когда стены слушают и говорят

Когда Констанс проснулась, на нее тот же навалилось ощущение тревожного, настойчивого присутствия. Казалось, дом дышал рядом: сквозняк трепал занавески, едва слышно потрескивали доски, где-то глубоко в стенах гудел воздух, будто кто-то бродил там, за гипсом и штукатуркой. Впрочем, теперь любые неестественные звуки можно было объяснить существованием призрака в особняке, да и, к тому же, не стоило списывать со счетов вполне нормальные звуки: скрип старого пола, шум кое-где покосившихся ставен, из последних сил сопротивляющихся ветру, да и протяжные завывания последнего — на улице с каждым днем становилось все холоднее.

Девушка долго лежала неподвижно, глядя в потолок с узором потемневших от времени розеток, и пыталась понять, что именно ее разбудило. Сначала показалось, что это просто привычная неуютность старого здания и тот факт, что Констанс никак не могла привыкнуть к новой обстановке. Потом, что в соседней комнате кто-то прошел. Легкий скрип пола, еле уловимый, но в полной тишине особняка этот звук казался оглушительным.

Наконец, Констанс села, отбросив одеяло. На ней было легкое утреннее платье, волосы оказались чуть растрепанными, но от этого она выглядела даже моложе, почти девочкой. Во всяком случае хуже утренняя неряшливость ее не делала. — Прекрасно, — пробормотала она, — теперь дом еще и будит меня по утрам. Не хватало только, чтобы он начал требовать завтрак.

Наспех собравшись и открыв дверь, она выглянула в коридор. Туман за окном тянулся плотной серой пеленой, из-за которой в доме весь свет казался размытым, даже свечи никак не помогали. Воздух был влажным и чуть пах плесенью, словно особняк лишний раз пытался напомнить, что жил без людей слишком долго.

Шаги — гулкие, но размеренные — донеслись снизу, из холла. Констанс узнала этот ритм: Хамфри. Дворецкий всегда ходил так, будто отсчитывал секунды до собственной смерти, пугающе неспешно и ровно, но вот к чему успела привыкнуть Констанс, так это к присутствию в доме хотя бы кого-то спокойного и уравновешенного, пусть и не самого предсказуемого.

— Мистер Хамфри, — позвала она, выходя на лестницу. — Кто это бродил по дому сегодня утром?

Он остановился у подножия, поднял голову. — Мисс Констанс, — сказал с легким поклоном, — если вы слышали шаги, вероятно, это был мистер Стэнхоуп. Он пожелал осмотреть часть помещений до завтрака.

Констанс медленно спустилась по лестнице: — Без разрешения?

— Боюсь, да, мисс. Хотя он заверил, что не покидал первого этажа.

Она приподняла подбородок, вся внутренняя обида за последние дни вспыхнула мгновенно: — Превосходно. Он опоздал на неделю, поселился тут без моей инициативы и теперь решил, что может свободно распоряжаться домом. Следующим шагом, вероятно, будет завещание, составленное в его пользу, и моя неожиданная скоропостижная смерть.

Хамфри не позволил себе даже намека на улыбку, но уголки его рта все-таки дрогнули, словно он одновременно одобрял, и чуть посмеивался над раздраженной реакцией хозяйки дома: — Я полагаю, он не желал нарушить ваш покой, мисс.

— Он преуспел в обратном, — сухо заметила девушка. — Где он сейчас?

— В столовой. Сказал, что предпочитает завтракать при дневном свете.

— Конечно, — Констанс едва заметно качнула головой. — В его случае чем больше света, тем меньше совести.

Она направилась туда, и чем ближе подходила, тем отчетливее ощущала — в доме что-то изменилось. Воздух стал гуще, звук шагов будто отставал на короткое мгновение, а в зеркале в коридоре ей на мгновение почудилось, что отражение двинулось чуть позже, чем она сама.

Столовая встретила ее ароматом свежего хлеба, шорохом бумаги и заранее раздражающим мужским голосом, который звучал пока еще не слишком разборчиво. — Доброе утро, мисс Эшфорд, — произнес Стэнхоуп, не оборачиваясь, словно заранее знал, кто объявился за его спиной. Он стоял у окна, с чашкой кофе в руке, как будто был здесь не гость, а хозяин, что наблюдает за своими владениями. — Надеюсь, вам спалось лучше, чем мне. Ваш особняк, скажу честно, удивительно не расположен к гостям.

— Вот уж неожиданность, — отозвалась Констанс, входя. — Вероятно, он просто чувствует, когда в нем появляются посторонние.

Стэнхоуп улыбнулся и теперь уже обернулся. На нем был безупречно выглаженный сюртук, жилет с золотыми пуговицами, чуть расстегнутый у шеи, и в его позе чувствовалось небрежное благородство, к которому невозможно придраться — все было в его образе слишком правильно, чтобы не раздражать.

— Посторонние, мисс? — уточнил он с притворным удивлением. — А я, признаться, полагал, что теперь мы соседи.

— Соседи обычно живут в своем доме, а не появляются в чужом без приглашения, — заметила она холодно. — Но, видимо, в вашем кругу другие обычаи.

Хамфри появился у двери, бесшумный, как тень. Он поставил поднос с завтраком — чайник, сливки, тонкие ломтики ветчины, — и тут же отступил, как будто боялся помешать грозе или попасть под ливень, ведь в столовой явно планировала разбушеваться стихия.

Стэнхоуп жестом предложил Констанс сесть: — Позвольте, я налью вам чаю.

— Благодарю, — Констанс опустила на край стула, — но я предпочту сделать это сама. Я ведь еще помню, как обращаться с чайником.

Мужчина усмехнулся, но промолчал. — Удалось насладиться лишь несколькими мгновениями тишины, и вдруг ложка, оставленная на блюде, дрогнула, издав тихий металлический звук. Затем чайник едва заметно качнулся.

— Сквозняк, — бросила Констанс быстро, хотя ни одно окно не было открыто.

Стэнхоуп даже не успел ничего спросить и поднял заинтересованный взгляд от чашки: — Сквозняк? В доме с каменными стенами толщиной с нескольких человек? Любопытно.

— Здесь много чего любопытного, — парировала она. — В этом доме даже воздух имеет привычку подслушивать. Вы быстро это осознаете, я заметила почти сразу.

— О, я уже почувствовал, — он слегка наклонил голову, в голосе прозвучала насмешка. — Будто стены что-то шепчут, когда я прохожу.

Чашка звякнула снова, уже громче. В один миг в воздухе повисло отчетливое ощущение начинающейся бури с сильным запахом ливня. — Свеча на буфете вспыхнула чуть ярче, привлекая внимание всех собравшихся к огоньку.

Констанс напряглась. Она чувствовала, как холод пробежал вдоль позвоночника. — «Томас...» — подумала она, но губы не посмели произнести имя вслух.

Стэнхоуп между тем продолжал говорить, не замечая происходящего, или делая вид, что не замечает: — Должен признаться, ваше поместье прекрасно. И удивительно живое. Будто ждет, чтобы кто-то вновь вдохнул в него жизнь.

— Сомневаюсь, что оно нуждается в вашем дыхании, — почти грубо отозвалась девушка, глядя прямо на него и уже не желая соблюдать хотя бы видимость приличий. Вся сложившаяся ситуация ее дико раздражала.

Он встретил взгляд спокойно, но в глубине его глаз мелькнула искра — то ли вызов, то ли понимание, что она скрывает что-то большее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.